

БЕСПРОСВЕТНЫЙ И БЕСПРИМЕРНЫЙ КРИЗИС РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПРИНЯТО СПИСЫВАТЬ НА ИЗДАТЕЛЕЙ: МАРКЕТИНГОВЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ, ГОЛЫЙ ИНТЕРЕС БЕССЕРДЕЧНОГО ЧИСТОГАНА И ПРОЧИЕ МАЛОАППЕТИТНЫЕ ВЕЩИ. СДАЁТСЯ МНЕ, ЕСТЬ В ЭТОМ СЕРМЯЖНАЯ НЕПРАВДА: ПЕРВИЧЕН СПРОС, А ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВТОРИЧНО. МАРКЕТИНГ МОГУЧ, НО НЕ ВСЕСИЛЕН. СКОЛЬКО МАРКЕТОЛОГОВ И ПИАРАСТОВ ПОНАДОБИТСЯ, ЧТОБ ВЫ НАЧАЛИ ПИТЬ ЧАЙ С ЦИАНИСТЫМ КАЛИЕМ ВМЕСТО САХАРА? ТО-ТО ЖЕ. И НЕЧА НА ЗЕРКАЛО ПЕНЯТЬ.

Издатели и писатели нынче могут спать спокойно: речь пойдёт о читателях.

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?

«Литературу, которая была совестью народной, мерилом нравственности — тоже загубили. И, что не маловажно, читателя. Думающего, мыслящего», — причитал Сергей Соколкин в «Русской чурке». Думается, что реквием по мыслящему читателю продиктован опять-таки сермяжной неправдой — это персонаж мифологический, под стать Змею Горынычу.

Специально для скептиков — экскурс в отечественную историю, отдалённую и не очень.

Конец 1830-х. Кто был властителем дум читающей публики? Маститые Пушкин с Жуковским? Дебютант Лермонтов? Да ничего подобного. В литературном хит-параде тех лет безоговорочно лидировал Бенедиктов. Надеюсь, помните этот гламур-мур-мур: «Все блестит: цветы, кенкеты, / И алмаз, и бирюза, / Люстры, звезды, эполеты, / Серьги, перстни и браслеты...» Яков Полонский вспоминал: «Учителя гимназий в классах читали стихи его ученикам своим, девицы их переписывали, приезжие из Петербурга молодые франты хвастались, что им удалось заучить наизусть только что написанные и ещё нигде не напечатанные стихи Бенедиктова». Причину его запредельной популярности чётко сформулировал умный Белинский: «Поэзия г. Бенедиктова не поэзия природы или истории, или народа, — а поэзия средних кружков бюрократического народонаселения Петербурга. Она вполне выразила их».

Начало 1920-х. В литературе работают Эренбург, Маяковский, Пильняк, Вересаев, Лавренёв, Пастернак, Ахматова, Артём Весёлый. Да не лежит к ним душа у читающей публики. Судя по данным библиотечного отдела Главполитпросвета, в 1921–22 годах в рабочих библиотеках ажиотажным спросом пользовались дореволюционные

авантюрные романы (у мужчин) и проза Лидии Чарской (у женщин). На V съезде РКСМ товарищ Бухарин закономерно заявил о необходимости «красных пинкертонов»: «Этот материал мы, как совершенные дураки, использовать не умеем». Товарищ Троцкий побрюзжал немного для вида: «Низы, впервые пробуждённые к жизни, жадно поглощают поддельную романтику и маргариновый сентиментализм», — но в результате согласился со своим вечным оппонентом: «Тут не угроза культуре, а её упрочение. Тут нет опасности возврата от Шекспира к Пинкертону, а есть восхождение... через Пинкертона — к Шекспиру». Ну-ну.

Середина 1970-х. Серебряный век советской культуры: Трифонов, Бондарев, Нагибин, Арсений Тарковский, Шукшин. Однако в заветных девчачьих тетрадках, распухших от лаковых открыточных вклеек, намертво прописался Асадов: «Как возможно с гордою душой / Целоваться на четвёртый вечер / И в любви признаться на восьмой?!» А у кинотеатров выстраивались очереди на «Есению»: 91,4 миллиона зрителей, рекорд за всю историю советского проката, — факт не литературный, но всё едино показательный.

2010-е. По данным Книжной палаты, рейтинг самых издаваемых в России авторов за первое полугодие 2016-го: первое место у Дарьи Донцовой — 744,5 тысячи экземпляров, второе — у Татьяны Устиновой — 462 тысячи, бронзовым призёром стала Татьяна Полякова — 423 тысячи. Для сравнения: любимец образованщины Пелевин оказался на 12-й позиции — 200 тысяч. Но всё-таки переиграл Булгакова со 175 тысячами и уж тем паче аутсайдера Достоевского, чей тираж — 143 тысячи экземпляров.

К чему это я? Да к тому, что прав был Аркадий Белинков: «Талант — это не просто и не только умение что-то хорошо сделать. Талант — это умение хорошо делать то, что требует общество (которое, как известно, всегда всё знает)».

В переводе на разговорный русский это значит: каковы поклонники, таковы и таланты. Всяк народ заслуживает своего писателя.

ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ С ДЕТСТВА

Нынешняя ситуация очень похожа на дела давно минувших дней. Но есть в ней одно — и фундаментальное! — отличие. Прежде русская литература была, простите за матерное слово, мультикультурна: Бенедиктов затмевал Пушкина, но не вытеснял его из поля зрения. Нынче большая литература маргинальна, а вчерашний моветон перешёл в ранг комильфо. Донцова фактически безальтернативна: ну, не считать же антитезой до оскомины попсовых Сорокина с Пелевиным...

Проблема в том, что ничего более серьёзного современный читатель не воспримет. Над этим работали — долго и вдумчиво.

В середине 1980-х нашу начальную школу осчастливили букварём Эльконина. Для тех, кто не в курсе: Даниил Эльконин считал, что фонетика есть доминанта, а чтение — лишь озвучивание графических символов. В результате знакомство с родным языком начиналось с транскрибирования: [агур'эц] вместо «огурца» и проч. Грамотным детям 80-х эта система была не страшна. Но среди нынешних первоклассников читать умеет в лучшем случае треть — это не мои домыслы, это данные лаборатории социальной психологии СПбГУ. В таких условиях эльконинские затеи могут обернуться лишь жесточайшей дислексией. Ведь чтение, воля ваша, — это не озвучивание, а в первую очередь понимание. Однако Эльконин торжествует повсеместно: старшую и подготовительную группы детсада учат читать по его методике — звуки первичны, буквы вторичны. О результатах лет пять назад доложила Татьяна Филиппова, ведущий научный сотрудник

Института возрастной физиологии РАО: «К нам в Центр диагностики развития детей и подростков порой приходят ученики 3–4-х классов, которые читают по слогам».

Ещё два слова о нашем образовании... впрочем, к чему слова? Они бледнеют рядом со страницей учебника:

Помножьте все сказанное на откровенно топорное качество детской литературы — тут картинка опять-таки гораздо красноречивее слов:

Дело с успехом завершает тестовая система, рассчитанная на механическое (а стало быть, весьма краткосрочное) запоминание второстепенных деталей. Пример для дегустации: «Какой водой угощают Онегина в доме Лариных? 1) клюквенной; 2) малиновой; 3) брусничной; 4) яблочной». Да хоть ананасовой, мать вашу через коромысло! — разве это здесь важно?..

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

Доктор медицинских наук, психиатр Анатолий Алёхин давеча ввёл в оборот донельзя удачный термин — псевдобебилность. Психолог Андрей Курпатов (ну, его-то представлять не надо) прокомментировал открытие коллеги: «Чем проявляется обычная, нормальная, так сказать, умственная отсталость? Больной с соответствующим диагнозом интеллектуально пассивен, действует импульсивно, не может долго сосредотачивать внимание, мыслит очень конкретно и утилитарно, не любит и не понимает абстрактные рассуждения. Вам ничего это не напоминает?.. Среднестатистического пользователя соцсетей, например?.. «Серое вещество» информационного псевдобебила сохранно, и, в принципе, его мозг можно натренировать. Но зачем? В чём смысл? Мотивация какая? Его как-то будут особенным образом за это уважать? Или, напротив, стыдить станут, что он дурак? Или он не выживет без этого? Нет».

Для иллюстрации — немного статистики по данным соцопросов, проведённых в разное время разными людьми. Итак: 21 процент россиян считает научно-технический прогресс явлением в той или иной мере вредным (ВШЭ, 2016). 29 процентов уверены, что люди появились одновременно с динозаврами (ВЦИОМ, 2011). 25 процентов считают Солнце спутником Земли (ВЦИОМ, 2017). 43 процента уверены, что компьютер любит ласку (ВЦИОМ, 2011), а четыре процента прячут компьютеры от посторонних, чтобы уберечь от вирусов (Лаборатория Касперского, 2016). 64 процента считают себя православными, но половина из них ни разу не заглядывала в Библию (Фонд «Общественное мнение», 2015). В астрологические прогнозы верят 36 процентов («Левада-центр», 2016), в колдовство, сглаз и порчу — 59 процентов («Левада-центр», 2012).

О каком квалифицированном чтении можно говорить при таких вводных?

ВИДЯ НЕ ВИДЯТ, И СЛЫША НЕ СЛЫШАТ

Христос не питал особых иллюзий по поводу своей паствы: «Видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют» (Матф., 13:13). Прискорбно, но за две тысячи лет мало что поменялось: дурак с айфоном — все равно дурак.

По данным сервиса Pro-books, автоматически обрабатывающего данные 11 ведущих книжных магазинов страны, самым популярным отечественным романом 2016 года стала яхинская «Зулейха» — книжка глупая, слезливая и отменно безграмотная. Напомню: авторесса-ханым изловила в сибирской тайге неизвестную орнитологам синегрудую синицу. А ещё выяснила, что ёлки зимой сбрасывают хвою. Депортировала

крымских татар и греков в 1942-м, на два года раньше товарища Сталина (с территории, занятой вермахтом?!). В 1945-м двинула Красную Армию на Париж — маршал Жуков нервно курит в сторонке. И наконец, отрихтовала ханафитский мазхаб, разрешив правоверным вскрывать захоронение.

Публика реагировала вполне адекватно — то есть, сообразно своим интеллектуальному и культурному потенциалу:

«Гузель Яхина — совсем ещё молодой автор. Её роман — это дебют. Но какой! Она, можно сказать, сразу попала на литературный Олимп» (elenaki, otzovik.com).

«Роман так и просится на экран. Он шикарен в своей простоте и глубок, как воды сибирской Ангары» (Ligiya, otzovik.com).

«Написанная прекрасным языком, книга Гузель Яхиной живёт и дышит. От неё невозможно оторваться, она поглощает читателя целиком, берёт в свой плен» (131313, livelib.com).

«Открытие года. Книга года. Не больше и не меньше. Сколько силы, таланта, сколько понимания чужой души...» (Lizchen, livelib.com).

«Замечательная книга, которая цепляет и оставляет глубокий след!» (Мутахарова Алсу, labirint.ru).

«Приятно осознавать, что в современной прозе не всё ещё потеряно...» (tanuka59, labirint.ru).

И прочая, прочая, прочая. Парадокс, но у читательской элиты, то бишь у литературно-критического сообщества, приключился тот же самый восторг на грани оргазма:

«Сильное и даже мощное произведение. Эта книга втягивает в себя, как водоворот, с первых страниц» (Павел Басинский).

«Роман Гузели Яхиной — состоявшаяся профессиональная проза» (Майя Кучерская).

Недоволен остался лишь журналист Александр Минкин. Больше его возмутила «перловка, сдобренная щепоткой сала»: «На щепотку сала я наткнулся в метро, и меня могли забрать в милицию за нецензурную брань в общественном месте».

Думаете, отдали критики свою голубицу на растерзание злобному супостату? За поруганную девичью честь рыцарски вступился коллега Басинский: «Это не критика, а ковыряние пальцем в салате». Аргумент убойной силы, ага. Дальше ещё круче: «Даю авторитетную справку: “Нутряное свиное сало... легко крошится, в отличие от цельных кусков обычного сала, которое можно разрезать только ножом”. Учиться, учиться и учиться!» Давно на свете живу, но ни разу не видел, чтобы нутряное сало ели сырым, предварительно не перетопив. Врачу, исцелился сам — поковыряй пальцем в смальце!

И видя не видят, и не разумеют...

Что делать?

Напоследок вернусь к словам Сергея Соколкина о гибели мыслящего читателя. Пикантность ситуации в том, что таковой самого-то Соколкина вряд ли вынесет: «выпуклое и впуклое, где надо тело», «неутолимые недра, ярко и жарко проступавшие в томном выражении неудовлетворённых цепких глаз» и прочие стремительные домкраты...

Вопрос банальный, но неизбежный: что делать?

Тем и хороша русская классика, что знает все ответы: «Жить, пока живётся, есть сухой хлеб, когда нет ростбифу, а вообще, не мечтать об апельсиновых деревьях и пальмах, когда под ногами снеговые сугробы и холодные тундры».

